

СЛУЧАЙ НА ПОЖАРЕ

Идем мы однажды по Арбату с кавалером, и тут такое! Мимо шествует Булат Шалвович Окуджава. Сам. Своими личными ногами. Взгляд потусторонний, плащ развевается, презирает всех страшно. Год примерно восемьдесят девятый на дворе стоял. Совок уже весь покачнулся, но в мусор еще не рухнул.

А тут гордость самодеятельной песни персонально! Возвышенный, раскормленный и несколько брезгливый.

Молчел ловит быстро мелкого местного оборванца, и к нему:

– Вон Окуджаву видишь?

– Не, а кто это?

– Ну вон, в длинном плаще штывп, вдоль забора канает.

– Ну и че?

– Че! Можешь ему хвост поджечь? Подожжешь – плачу чирик.

А чирики, надо заметить, даже и тогда на дороге не валялись.

Ну, пацан схватил зажигалку и за Шалавой. Так по сторонам как-то ныкался, ныкался, с толпой мешался, потом люди его заслонили, и тут – пошел дым! Достал перца! Он ему фалды поджег, края самые.

А теперь-то если кто и захочет окуджавыча подпалить – да где там. Вовремя потому что все делать надо. Шанс-то, он может один раз только и дается.

Ужас, да? Как вы можете, мне одна дама написала – не любить-то еще ладно – как вы можете *так* не уважать его?!

На самом деле я не уважаю Булата Шалавовича еще хуже. Не за что его уважать, уважаемые. Был он большим и артистичным приспособленцем. Выбранный им имидж воспевателя вольностей и тайных интеллигентских свобод реализовался в задушевной романтизации советского режима.

Он его оправдывал. Он примирял нас с системой. В этом заключалась его социальная функция. В этом состоял главный смысловой импульс его сочинений. За это его тиражировали, выпускали в Европу и раскручивали.

Своей публичной деятельностью он помогал держать в узде интеллигенцию – какой бы зашуганной и выморочной та ни была. По существу, это был ценный внутренний агент советской власти. Достаточно упоенный самолюбованием, чтобы прощать себе свою игривую продажность.

Его постепенно отлетающая популярность – в основном сентиментального характера. Так любят свою юность, свои студенческие годы, свое когда-то – где небо было синее, а трава зеленая. Куда зеленее чем сейчас.

Поэзия это свобода духа. Не стоит смешивать ее со свободой выбора покупателя.